

Чжоу Цзычжу заметил мою насмешливую улыбку, и сказал:

- Дажэнь Чжан, не могли бы вы озвучить ваши стихи и позволить нам с благодарностью насладиться ими?

Я лениво посмотрела на него, а затем сказала:

- Да что вы.... Я лишь предлагаю свои смиренные слова, чтобы услышать ваше высокое мнение, вот и все.

Теперь, уже определившись со стихотворением, я заговорила:

- За пределами дороги, рядом со сломанным мостом....

- Подождите!

Господин Сюэ - военный лидер, а не поэт, поэтому он не принимал участия в нашей литературной дуэли. Он взял ручку и бумагу, а затем предложил:

- Вы говорите, Цинлянь, а я помогу вам запечатлеть сказанное на бумаге.

Я улыбнулась ему, а затем приступила к чтению своего стихотворения:

- За пределами дороги, рядом со сломанным мостом, в одиночестве цветут дикие цветы. Наступил закат. Поскольку я живу в тоске и одиночестве, порыве ветра и дождя, я не собираюсь цепляться за весну, и оставляю зависть к различным цветам. Когда цветы опадут на землю и превратятся в грязь, то оставят после себя лишь неизменный аромат.

За пределами дороги, рядом со сломанным мостом, расцветает один цветок. Опечаленный одиночеством в сумрачном закате, он страдает от ветра и дождя. Пусть другие цветы завидуют! Он жаждет весны не для себя одного. Его лепестки могут стать грязью, но аромат никогда....

Услышав стихотворение, все замолчали и с удивлением уставились на меня.

Чжоу Цзычжу вначале потерял дар речи, а затем сказал:

- Поистине.... Потрясающе! Великолепно!

Господин Сюэ взволнованно схватил меня за руку.

- Цинлянь, я знал, что вы сможете выбраться из грязи чистым! У вас были высокие, но благородные амбиции.... Люди вас неправильно поняли!

Он почти плакал.

Выбирая стих, я сначала сомневалась, потому что хотела прочесть одно из стихотворений Линь Хэцзиня, однако я не знала, были ли его работы известны здесь. Кроме того, я понимала, что по сравнению с другими его стихи обладали безразличной элегантностью, оторванностью от мира, в то время как стихи иного автора немного эмоциональнее.

Ожидаемый результат наступил. Люди подумали, что я выказала свои собственные мысли.

Группа ученых долгое время шокировано уставились на меня.

Слово о моей классической поэме впоследствии распространилось на улицах. Отношение интеллектуалов ко мне слегка изменилось, и те, кто был сравнительно бессмысленным и капризным, типа этого Бай Фэня, стали моими верными фанатами. Они готовы были падать мне в ноги, как и господин Сюэ, говоря, что люди всего мира неправильно меня поняли.

Некоторые люди начали просить читать меня стихи. Я вопиюще декламировала стихи знаменитых поэтов современности, которые постепенно распространялись повсюду. Все считали, что я являюсь автором стихотворений, поэтому в обществе появилась такая история: Чжан Цинлянь на самом деле ученый, семья которого распалась. Он десять лет усердно обучался, и его литературный стиль стал совершенно ошеломляющим, поэтому он решил поехать в столицу и сдать императорский экзамен, продолжив традиции своей семьи. К сожалению, он родился слишком красивым. Предыдущий Император случайно увидел его и с первого взгляда влюбился. Он лишил его ученой чести и упрямо держал на своей стороне, считая его своей молодой наложницей мужского пола....

В результате, я постепенно начала завоевывать симпатии публики.

Я признаю, что приложила руку к распространению этой истории.

Чжоу Цзычжу не отказался от своего статуса члена политической партии, которая была враждебно настроена относительно меня, но его отношение стало намного лояльнее.

В то время я не думала об этом, но была готова приложить максимум усилий, чтобы изменить существовавший ранее мерзкий образ Чжан Цинляня.

Вскоре стали распространяться слухи, что Чжан Цинлянь не мог написать такие вещи, и что его резиденция собрала много блестящих произведений под угрозой клинка. Однако реакции общества на эти сплетни не последовало. В конце концов, Чжоу Цзычжу лично стал свидетелем моего ответа на заданную тему, но, вероятно, даже после этого, распространяющие

эту информацию люди не будут настроены по отношению ко мне менее враждебно.

По крайней мере, я стала противоречивой фигурой. Каждый, кто когда-то проклинал меня, стал на мою защиту. Мой образ больше не являлся широко признанным предательским министром.

Это все то, о чем будет сказано позже, поэтому я не буду больше об этом говорить.

<http://erolate.com/book/3883/105942>